

**ПИСЬМО БЛАГОНАМЕРЕННОГО ФРАНЦУЗА
О НЕОБХОДИМОСТИ
ПОСЫЛКИ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК В РИМ
И ДАЛЕЕ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПОРЯДКА
В ИТАЛИИ**

(перевод с французского)

Милостивые государи!

Извините, что, не имея чести быть вашим соотечественником и единоверцем, осмеливаюсь просить вас о помещении в «Свистке» моего письма. На это имею я важные причины. Во-первых, ваш образ мыслей подходит к моему гораздо более, нежели все остальные журналы Европы и Америки. Во-вторых, «Свисток» пользуется огромным влиянием на общественное мнение и даже на умы многих государственных людей Европы. Я знаю из верного источника (*de bonne source*), что сам кардинал Антонелли, после того как у вас было о нем упомянуто²⁵, любопытствовал прочесть «Свисток», и, конечно, этому обстоятельству надо приписать то, что последние ноты его значительно веселее прежних. В-третьих, вы более, нежели кто-нибудь, имеете свободы в рассуждении о политике: вы не связаны тираниею общественного мнения, которое у нас так страшно тяготеет над журналистикой. Можете себе представить, что у нас ни один журнал не решился бы поместить мое письмо, не потому, чтоб оно несогласно было с видами правительства (напротив, я надеюсь, что оно очень с ними согласно), а просто потому, что это значило бы раздражить общественное мнение! Вы, как я по всему вижу, еще не дошли до такого печального положения; у вас журналист — учитель и господин своей публики и потому может говорить ей, что ему угодно, а она должна

только слушать, верить и преклоняться пред его авторитетом... Для меня и для моих предположений именно это и нужно.

Пред *вашей* публикой я могу открыто и прямо сказать, что решительно не одобряю итальянское движение и считаю Гарибальди разбойником (brigand). Некоторые корреспонденты французских газет уверяют, что русская публика исполнена энтузиазма к «освободителю Италии» и ждет окончательного водворения итальянского единства, точно большого праздника. Может быть, это и правда; но так как ваша публика находится еще в младенчестве и не доросла до собственного мнения, то я думаю, что мне церемониться с нею нечего. Итак, я признаю Гарибальди разбойником (brigand) и формально протестую против всякого государственного акта, который совершится на основании его незаконных выходов. Но этого мало: я предлагаю верные средства для уничтожения всего, что им наделано, и думаю, что ваш «Свисток» окажет услугу русской и европейской публике напечатанием моих предположений.

Дело в том, что теперь священная обязанность наблюдения за порядком в Европе принадлежит Франции. Не обижайтесь: говоря это, я вовсе не думаю исключить из числа великих держав ваше отечество. Я читал сочинения

господ де-Жеребцова, Головина и Чичерина (в «Le Nord»)²⁶ и вполне с ними согласен, что России предназначено великое будущее. Но надеюсь, что и они не станут спорить, если я скажу, что вы еще весьма молоды

в исторической жизни и потому никак не можете претендовать на первенство перед французами в опытности и благоразумии. Вы еще, так сказать, отроки, безмятежно совершающие свой курс в тишине благородного пансиона, а мы уже взрослые люди, перенесшие много горя и видевшие много бурь на океане, простирающемся от Бастилии до Люксамбурга...²⁷ Вот почему теперь, как опытные пловцы, мы должны первые предвидеть бурю и останавливать новичков. Надеюсь, вы меня поняли и, следовательно, согласились со мною*.

Франция вот уже 11 лет весьма усердно очищает свою репутацию от нареканий, заслуженных ею в бедственное время насильственных переворотов²⁸. Она уже давно перестала быть очагом (foyer) анархических движений; все ее желания направлены теперь к тишине, порядку и законному благоденствию под покровом религии и нравственности. Конечно, большинство людей, считающих себя образованными, вопиет еще о какой-то солидарности императорской Франции с принципами 1789 года; но, к счастью, голоса этих людей год от году слабеют, и смело можно надеяться, что скоро совсем заглохнут. Благодаря благоразумию правительства они лишены теперь возможности пропагандировать свои мнения в печати, и хотя по временам прорывается в журналистике дух — не то что непокорства, а как будто бы некоторого недовольства, — но общий тон журналов, можно сказать, в высшей степени успокоителен (rassurant). Я не говорю уже о первых звездах нашей журналистики «L'ami de religion», «Gasette de France», «L'Union», «Le Monde», преисполненных до мозга костей религиозными и нравственными началами; не говорю о

---

* Это место в русском переводе вышло несколько грубо; но смеем уверить, что в подлиннике оно исполнено тончайшей грации и самой благоуханной прелести, так что нимало не представляется оскорбительным. — Прим. ред. «Свистка».

«Constitutionnel», в котором г. Грангильо изображает почти каждый день настоящее блаженство и величие Франции такими яркими чертами, что иногда сам «Moniteur» бледнеет пред ним; не говорю о «Patrie» и «Pays», которые уж, конечно, и потому должны быть благородны (gènerèux), что поддерживаются (subventionnès) правительством. Но я укажу вам на «Journal des Dèbats», на «Presse», прежде столь задорные: радостно читать их ныне!.. Вы знаете, что в «Journal des Dèbats», например, отличался весьма едким (caustique) стилем г. Прево–Парадоль. Надо полагать, что это происходило в нем не столько от серьезного политического недовольства, сколько от расстройства печени. В начале нынешнего лета расстройство это усилилось до того, что г. Прево–Парадоль издал брошюру «Les anciens partis», в которой весьма много желчи. Но само собою разумеется, что это ни к чему не повело. Правда, пять тысяч экземпляров брошюры были расхвачаны в несколько дней благодаря разнесшемуся слуху, что ее будут отбирать, и когда действительно стали отбирать, то нашли всего несколько десятков экземпляров; но автор, как и следует, был осужден к тюремному заключению и штрафу, издатель тоже заплатил штраф весьма значительный; в ответ на брошюру явилось

прекрасное сочинение «Le parti de la providence», и кончилось тем, что только «Journal des Dèbats» избавился от выходок г. Прево–Парадоля и украшается ныне вполне

благонамеренными premier–Paris* гг. Аллури и Вейсса.²⁹ Вообще во всей журналистике нашей только и можно быть недовольным двумя журналами: «Siècle» и «L’Opinion Nationale». Но они оба, сколько я знаю, уже имеют по авертисману за выходки против святейшего отца и потому не очень могут храбриться. Притом нельзя не заметить, что и они тоже не лишены патриотизма, только что в них заметна еще некоторая игра крови. Вообще же говоря, журналистика, да и вся литература наша представляют умилительное зрелище: как горячо, например, отзывались они на превосходные речи об императорской политике, произносившиеся недавно нашими государственными мужами при открытии выборов! С каким восторгом перечитывали они известия о путешествии императорской четы, и дифирамбы по этому случаю, произнесенные разными официальными лицами! Только «Opinion Nationale» пожалело довольно ядовито, что декорации для триумфальных арок и прочих выражений народного энтузиазма перевозятся из города в город одни и те же компанией спекуляторов, составившейся для этого случая! Но Opinion не получило за это даже авертисмана: это одно уже доказывает вам, как ничтожны у нас все подобные выходки пред силою правительства, опирающегося на энтузиазм народа... Словом, Франция сознала теперь, что она сильна централизацией и, если позволите выразиться, политическим благонаравием. Предания первой революции еще несколько сбивают ее с толку своею грандиозностью; но теперь появляются уже смелые борцы, которые смело топчут в грязь и эти предания. Так, например, вам, без сомнения, уже известна (все благородные книги наши так быстро получают в

---

* парижские передовые статьи (франц.). — Ред.

России!) недавно вышедшая «История жирондистов» г. Гранье де-Кассаньяка, политического редактора «Pays». Невозможно лучше разоблачить все ничтожество и зверство деятелей революции. Г. Гюаде, внук известного депутата, старался было возражать, журналы сделали несколько двусмысленных выходов; но против истины стоять невозможно, и книга г. Гранье-де-Кассаньяка, как слышно, заставила даже г. Ламартина решиться исключить «Историю жирондистов» из полного собрания его сочинений или, по крайней мере, назвать ее «Историческими бреднями», *Rêveries historiques*³⁰.

Вы понимаете, что, находясь на таком хорошем пути, Франция должна всеми силами заботиться, чтобы ничто не могло свернуть ее в сторону. С этой точки зрения итальянское движение давно должно было возбудить ее негодование и противодействие. Но, к несчастью, наше правительство, привыкнув к законности и к беспрекословному исполнению своих справедливых требований, думало, что дело может быть устроено путем здравых внушений и дипломатических переговоров. Вот отчего так много времени потеряно, вот отчего до сих пор, по рыцарскому великодушию, император старается сдерживать негодование Франции против неблагодарных итальянцев. Еще на днях одна из провинциальных газет получила авертисман за то, что непригоже отозвалась о Викторе Эммануэле, хотя дипломатические отношения наши с Пизмонтом уже прерваны. Мы не могли себе представить, чтобы итальянцы

могли послушаться правительства великой нации, которая

уже столько раз давала им чувствовать свою силу; мы хотели действовать на них мерами кротости и благоразумия. Но год испытания прошел, и мы должны были убедиться, что с непокорным народом надо действовать не словами, а оружием. Верно, уж когда дело пошло на вооруженное и гласное восстание, то тут никакие депеши, никакие конференции, никакие дипломатические меры не помогут. Поможет одно: армия. А ежели нет намерения или недостает решимости послать армию, то и говорить ни о чем не стоит: всякие рассуждения, не имеющие за собою определенного плана военных действий, будут забавным пустословием, годным только в качестве материала для каких-нибудь парламентских прений.

Кажется, дело просто. И однако же до сих пор мы не видим деятельных мер правительства для укрощения итальянцев. Что же мешает ему? Где препятствия для решительных действий? Где основания для бездействия? Об этом я и намерен объясниться с Европою через «Свисток».

Главным препятствием служит мнимая законность и будто бы благородство дела итальянцев. «Как, говорят, остановить движение, в котором выражается национальное стремление и которое направлено против чуждого владычества, беззаконий и злоупотребления, превосходящих всякое терпение? Как идти против воли нации, когда само императорское правительство возникло из всеобщего народного избрания?» Все это, по здравому рассуждению, оказывается чистейшими пустяками (*futilités*). Прежде всего — оставим в стороне «волю народа»: она признала себя несостоятельною в тот самый день, как избрала Людовика Наполеона. Избран он, конечно, не для того, чтобы быть на посылках у

народа, а затем, чтобы предписывать ему, как держать себя, потому что сам народ не умел распоряжаться собою. И как скоро французы поставили у себя человека, в руки которого отдали свою волю, так они и должны его слушаться беспрекословно. Таким образом, для императора обязательна одна воля народа: желание, выраженное 2-го дек. 1851 г., чтобы он владел Францией. Сообразно с этим желанием он и должен делать все возможное, чтобы продолжить свое владычество, в котором Франция нашла свое блаженство. Следовательно, все свои действия он должен располагать сообразно тому, благоприятно это будет для продолжения его управления во Франции или нет. Ему нечего стесняться детским лепетом народа — ни французского, ни итальянского, и никакого другого. Кажется, то ясно, как солнце (*clair comme le soleil*).

Таким образом, Франция должна смотреть на итальянское движение единственно с той точки, благоприятно оно для правительства императора или нет? Если оно неблагоприятно, то очевидно противно воле французской нации, избравшей Наполеона, и следовательно должно быть признано враждебным Франции. Это опять ясно.

Теперь — нужно ли говорить о том, что революционный дух наших соседей не может не произвести вредного влияния на расположение духа и во французском народе? Надо признаться, что народ еще очень глуп у нас. То, что вы знаете под именем французской нации, — это, собственно говоря, не народ — это сливки его, благородные избранники, которых интересы и понятия совершенно противоположны народным. Эти-то люди и господствуют

над миром посредством своего вкуса, остроумия, изящества и блеска своих благородных идей. Они господствуют и над собственно называемым народом; но, разумеется, только до тех пор, пока нет серьезных столкновений. А как скоро дело дойдет до ссоры, то как же хотите вы, чтобы горсть людей благородных, изящных и образованных, но зато весьма деликатных в физическом отношении, могла противостоять грубой силе целой массы? Да еще надо прибавить к этому, что и в образованном—то классе большинство готово при первом удобном случае зашуметь о свободе и об интересах народных. Даже теперь, несмотря на всю бдительность императорского правительства, беспрестанно прорываются беспокойные идеи. Так, напр., в последнее путешествие императора какой—то сумасшедший, говорят, пробовал в него выстрелить в Тулоне; факт еще не подтвержден решительно, а уже кое—кто пытался было сделать его поводом разных вольных рассуждений. К счастью, газетам запрещено было упоминать о нем. Недавно тоже — отставные революционеры затеяли было подписку в память г. Флота, убитого в рядах гарибальдиевских скопищ (bandes)³¹. Правительство имело благоразумие запретить и эту подписку; но ее затея уже показывает вам настроение некоторых господ. Они молчат теперь, но нет сомнения, что при первой возможности они заговорят и найдут тысячи последователей. Пусть только ослабится, например, хоть бдительность надзора за прессою: завтра же явятся десятки журналов с самыми гибельными тенденциями и увлекут всеобщее внимание. До какой степени падок

народ на нелепости подобного рода, вы можете судить, например, по «*Courrier du Dimanche*» — еженедельной газетке, которая имеет огромный успех, а берет только тем, что в ней какой-то валах или молдаван Ганеско делает беспрестанно выходки против императорского правительства³². Еще на днях, например, он осмелился требовать отмены закона *de la suretè gènèrale!*..

При таком положении дел, когда с одной стороны угрожает г. Ганеско, а с другой — целый народ шумит и волнуется, не может быть никакого сомнения о том, что надобно делать правительству. На неразумного валаха претендовать нечего: он затем и существует, чтобы привлекать общее внимание, подделываться под общий вкус; беда в том, что вкус-то общества получает такое вредное направление. Следовательно, надо уничтожить то, что подает повод к искажению нравственных понятий и чувств французов, — надо во что бы то ни стало укротить движение на полуострове. В прошлом году император принял весьма хорошую меру, взявши итальянское дело в свои руки и порешивши его разделом Ломбардо-Венецианского королевства между Австрией и Сардинией. Но затем Франция сделала несколько важных ошибок, допустивши присоединение герцогств и Романьи и не придушивши с самого начала экспедицию Гарибальди. Конечно, кто же мог этого ожидать.? Никому в голову не могло придти, чтобы в каких-нибудь три месяца Неаполитанское королевство могло исчезнуть с политической карты Европы и чтобы самому святейшему отцу стали угрожать в его резиденции, охраняемой французскими штыками... Но в том-то и дело, что подобными вещами никогда не должно пренебрегать. С таким народом, как итальянцы, и при таком правительстве, как неаполитанское, всегда следовало

ожидать, что не нынче, так завтра последует катастрофа. Всегда следовало поступать так,

356

как поступаем мы с Римом. Недавно кто-то распустил слух, что французский отряд из Рима двинулся к Анконе; «Patrie» опровергла этот слух таким образом: «Известие это нелепо уже само по себе; всякому известно, что французский отряд, находящийся в Риме, никак не может оставить папской столицы: если бы он сегодня вышел из Рима, то завтра же римляне возмутились бы и прогнали папу; а между тем охранение папского престола и составляет настоящую цель пребывания французских войск в Риме». Вот это политика смелая, откровенная и благородная! Тут нет никаких церемоний с народной волей, а прямо объявляется, что армия поставлена против народа, для того, чтобы он не наделал глупостей... Если так ведет себя Франция в Риме, почему ей не делать того же и во всей остальной Италии? Почему не послать войск в Сицилию, почему не поставить гарнизона в Неаполе, почему не занять Анконы, почему, наконец, в согласии с Австриею, не содержать нескольких полков в Венеции? Все это чрезвычайно легко было сделать несколько месяцев тому назад; теперь труднее, но возможность еще не потеряна благодаря твердости нашего правительства, умевшего сохранить честь нации (l'honneur de la nation) удержанием и даже усилением римского отряда. Теперь можно действовать через Рим: посылать туда подкрепление за подкреплением, а оттуда вводить войска в Гаэту, покамест король Франциск еще там держится; из Гаэты же идти на Неаполь. Никто с нами, разумеется,

даться не будет, потому что Пьемонт не осмелится оскорбить знамя великой нации (*drapeau de la grande nation*), в особенности когда еще Австрия угрожает Италии. Таким образом, мы занимаем Неаполь, восстанавливаем Франциска, посылаем войска в Сицилию, требуем от Сардинии очищения Марок и Умбрии и объявляем Австрии необходимость содержания французских войск в Венеции: Австрия ничего не может возразить, потому что, во-первых, мы восстановлением Франциска дадим ей достаточное ручательство в нашей благонамеренности, а во-вторых, и потому, что Габсбургское правительство находится при последнем издыхании, и если бы Франция двинула на него свои легионы, то уже никакие силы в мире не спасли бы его...

Устроивши таким образом положение дел, то есть расставивши везде свои войска, Франция созывает конгресс. Нет надобности говорить, что на нем решено будет восстановление герцогов и кроме того пересмотрится цюрихский трактат, причем Франция сделает новые приобретения — как по лигурийскому берегу, так и по направлению к Рейну.

Никто не назовет, надеюсь, моего плана неудобноисполнимым. Но представляются возражения относительно его достоинства. Я все их предвидел и сейчас же намерен победоносно опровергнуть.

Люди, мало сведущие в политике, кричат прежде всего, что Франция ничего не выиграет от вооруженного вмешательства в дела Италии; уверяют, что ей не нужно увеличения территории, что она и без того довольно хорошо округлена, что новые провинции доставят ей только новые хлопоты, что благоденствие нации заключается не в численности ее, а в хорошем устройстве, и пр. в том же роде. Против частных этого мнения я

возражать не стану. Мало того, я прибавлю, что всякое вмешательство на полуострове принесет Франции временно весьма чувствительное отягощение и расстройство. Финансы Франции находятся в положении весьма не блестящем; в нынешних прениях

357

о бюджете мы видели, до какой огромной цифры дошел государственный долг в последние восемь лет; налоги весьма чувствительны для населения, конскрипция³³ представляет одно из самых ужасных зол в глазах всей нации. Вести войну — значит делать новые траты людей и денег, не видя впереди даже вознаграждения, потому что — ни с папы, ни с Неаполитанского короля взять нечего, с Австрии тоже, а Пьемонт еще представляет статью очень сомнительную. Все это так; но что значат все мелочные затруднения пред величием общего приобретения нравственного! Здесь замешана наша национальная гордость, наша честь и наше существенное благо. Хотя бы Франция и разорилась в итальянской войне, во всяком случае мы выйдем из нее с лучшими обеспечениями своей будущности, нежели какие можем иметь при водворении в Италии нынешнего порядка вещей. Победив гидру итальянской революции, правительство надолго упрочит существование нынешней системы, водворит спокойствие в Европе и будет иметь возможность в мире и тишине наверстать все потерянное. Мы видим, что теперь налоги далеко еще не дошли во Франции до своей крайней возможности; между тем всякое увеличение их встречается ропотом, который нельзя оставлять без внимания, в виду того, что делается

в Неаполе и римских провинциях. Но когда все будет успокоено и усмирено, что тогда помешает удвоить подати и таким образом поправить финансы? Что помешает возвысить значение войск, увеличив им жалованье, улучшив содержание, вообще — создавши из них особую силу, совершенно отделенную от народа и всегда готовую наказать всякое ослушание и недовольство? Франция будет тогда наслаждаться совершеннейшим, образцовым порядком, которому сами австрийцы позавидуют, и вот главное основание, заставляющее пренебречь временные невыгоды и затруднения, соединенные с посылкою войск в Италию!

Есть и другие соображения, высшего разряда, определяющие роль Франции в настоящих обстоятельствах. Лукавые друзья свободы обыкновенно стараются уверять, что нынешнее правительство Франции продолжает наполеоновское направление и таким образом необходимо связано с преданиями первой революции. Мнение это так сильно, что само правительство не решается опровергать его положительно. Но в «Свистке» можно высказать всю правду, и потому я не колеблюсь объявить это мнение лишенным всякого основания. Что ни говорите, но император принял в свои руки не Францию первой революции и империи, а Францию Реставрации, Францию Бурбонов, — и он естественно должен быть представителем бурбоновской политики, хранителем трактатов 1815 года. Это условие само собою подразумевалось, когда Европа признала его императором. Говорить, что он продолжает наполеоновскую политику, значит возбуждать против него европейскую коалицию и даже мнение всех благонамеренных французов. Мы очень хорошо знаем,

что мы обязаны Священному Союзу, этому высокому созданию светлого ума Меттерниха. Мы понимаем, что он был создан для охранения порядка и тишины в Европе, а кто же более нынешних французов может дорожить порядком и тишиною? Кто более Людовика Наполеона сделал для их водворения и ограждения? «Империя есть мир», — сказал он; а «если хочешь мира, то готовь войну» (*Si vis pacem, para bellum*), и в силу этого двойного соображения он неумоимо воюет и мирится, с самого своего избрания, —

358

и все в интересах продолжения своего управления, в котором одном только нашла Франция мир и блаженство.

Уверяют, будто война против освобожденной Италии создаст нам врагов в наших соседях, оттолкнет от нас сердца народов, поставит нас в ряд противников европейского прогресса. На все это я отвечу в коротких словах. Итальянцы и все угнетенные национальности будут враждебны к нам, правда; швейцарцы и бельгийцы будут нас презирать; Пруссия и Англия останутся недовольны. Но что же нам до этого? Итальянцы будут приведены в такое положение, что пикнуть не посмеют: везде будут стоять французские войска, для защиты правительств от их подданных. Против Пруссии мы всегда имеем Австрию и Баварию. Швейцарцы и бельгийцы сами—то ничего не стоят, кроме презрения; если на то пойдет, то их всех можно будет присоединить к Франции... Остается Англия; но Англия не начнет наступательной войны, а ежели вздумает с нами померяться, так мы лучше не требуем (*nous ne demandous*

рас miеux). Давно уж она нам поперек горла встала с своею торговлею, интригами, а всего пуще — с своими либеральными принципами, которые, в сущности, только и годятся для того, чтобы поощрять беспорядки всякого рода.

Да и какое законное основание могут иметь другие державы для противодействия нашему вмешательству в Италии? Трактаты все в нашу пользу. Разве только поставят нам на вид этот несчастный принцип невмешательства (non-intervention), нами же провозглашенный? Но, во-первых, он был провозглашен в других обстоятельствах; во-вторых, он теперь уже нарушен самим Пьемонтом; в-третьих, он не освящен конгрессом; в четвертых, он должен быть подчинен другому, высшему принципу, который мы давно уже провозгласили в Риме и который нарушен итальянским движением и требует мщения. За решительным ослаблением Австрии и за недопущением Испании в число великих держав (несмотря на наше ходатайство!) мы остались одни хранителями католического принципа в Европе, защитниками светской власти святейшего отца. Здесь уже политика переходит высшую область, и все дипломатические соображения должны преклониться пред святынею нравственных начал. Кричите, пожалуй (on a beau crier), об отделении светского от духовного, — вы нас не заставите думать, что папа может обойтись без двора, совета, армии, без владений, собственно ему принадлежащих. Существование *Папской Области* столь же необходимо в сфере католических начал, как существование Австрийской империи в дипломатической сфере... Собственно говоря, можно, пожалуй, утверждать, что и Австрия не нужна для народов Европы; но она создана трактатами 1815 года, она вот уже в течение

полувека доблестно исполняет свое назначение — сдерживать народное своеволие и служить оплотом порядка для всех стран Европы, — и она стоит и будет стоять, несмотря на заносчивость венгерцев, враждебность итальянцев, тайный ропот славян, неудовольствия самих немцев, расстройство своей администрации и почти банкротство в финансах. Она будет стоять, потому что служит представителем живого принципа, того самого, к которому пришла теперь и Франция, после стольких волнений и испытаний, к которому должна быть приведена и Италия во что бы то ни стало (*coûte qui coûte*)!.. Так и Папская Область останется за папою, несмотря на все безумные фанфоронады

359

Гарибальди, ибо святейший отец служит высочайшим представителем католического единства, непогрешимого авторитета и безукоризненной централизации — то есть всего, в чем нашла свое спасение Франция!

Говорят, что папское правительство очень дурно. Я не стану утверждать противного, потому что для меня этот сюжет не имеет ни малейшего значения. Положим, что оно дурно до последней степени; что же из этого? *Abusus non tollit usum* — злоупотребление вещи не доказывает ее негодности; тем более надо стараться поддерживать папское правительство, чтобы дать ему возможность уничтожить у себя злоупотребления. Это постоянно и делает французское правительство, подавая папе благие советы. Но, в сущности, не злоупотребления вооружают вольнодумцев против папского управления, а самый

принцип его, стремящийся к благу духовному и потому естественно требующий от подданных отречения от многих материальных удобств и смиряющий порывы кичливого ума. Людям легкомысленным, не думающим о принципах духовных, кажется возмутительным, когда им не дают свободы болтать всякий вздор, когда их судят по особым соображениям, а не по общим законам, дела ведут в святилище судебных мест, а не на площади, требуют с них для поддержания духовного блеска наместника святого Петра более, чем бы они считали нужным, и пр. Но для всякого благомыслящего католика ясно, как нелепы все подобные претензии. Во-первых, они доказывают только развращение нравов и равнодушие к религии; во-вторых, свидетельствуют о полнейшем невежестве претендующих. Если бы они понимали хотя самые первые основания государственной жизни, то перестали бы жаловаться на папское правительство, потому что в сущности принцип его вовсе не отличается от других, и, например, во Франции мы представляем то же самое, что и подданные папы. Соединяясь в государства, мы пользуемся покровительством общих законов и защитой от всяких нападений на нас. Мы сами не можем составлять законы для своей жизни, не можем и знать всех бедствий, какие нам грозят. Очевидно поэтому, что забота об общественной безопасности должна быть сосредоточена в руках избранных, для которых все мы и должны жертвовать нашими личными интересами. Во Франции мы признаем право рассуждать за нас и располагать нашими действиями за Людовиком Наполеоном; в Риме то же право принадлежит Пию IX. Таким образом, интересы французского и римского правительства в этом вопросе — одни и те же, и всякий, кто им противится, должен быть наказан общими силами.

Если бы Франция оставила папу, гнев божий постиг бы ее, и она бы пала под собственной тяжестью. Наш век не признает силы духовного слова; пусть же он поверит хоть истории. «Мои пушки заглушают гром папских проклятий!» — гордо писал Наполеон I во всем блеске своего могущества. И что же? Прошло каких-нибудь два года после преступного восклицания — и звезда Наполеона закатилась!..

Если находится много людей, не придающих значения подобным урокам, то тем хуже для них, и тем менее смысла имеют те господа, которые на каждом шагу толкуют нам о невмешательстве. Истинные католики и благомыслящие люди всех наций не могли, конечно, без особенного умиления читать прелестные слова (de belles paroles) святейшего отца о том, что он называет «каким-то новым и странным принципом нон-интервенций». Поистине новый

360

и странный принцип, особенно в виду народов, потерявших всякое сознание законности и благоразумия! «Любите и защищайте друг друга» — заповедует нам правило нравственности; а мы что делаем! Разбойник, флибустьер врывается в дом к нашему брату, законному королю, грабит его, отнимает его владения и дарит их другому королю, в котором своеволие надеется найти себе более потачки; а мы в это время провозглашаем принцип невмешательства! Не жалко ли, не бесчеловечно ли это? Не губительно ли это для самих народов, которые, по неразумению своему перешедши к Пьемонту, пожалуй в самом деле захватят себе разные льготы и вольности и

позабудут должное смирение и дисциплину? Оставлять их на произвол судьбы не то же ли самое значит, как если бы в школе начальники и учителя предоставили учеников самим себе, провозгласив тоже принцип невмешательства? Если так, то уж лучше и школы не нужно, и ученья не нужно, и наград и наказаний не нужно; пусть все идет само собой, и на мир снова нисходит мрачная ночь варварства и беззакония!..

После всего, что я сказал, нужно ли распространяться еще о последнем возражении против посылки французских войск в Италию, — о том, будто бы подобным распоряжением император потеряет свою популярность между французами? Кто говорит это — и о ком? Люди с неудавшимся честолюбием, потерянные в блеске того, кто с такою славою держит в руках своих судьбы Франции и господствует над политикою Европы! Ему нет надобности добиваться популярности между подобными людьми и их партиями. Популярность, состоящая в благосклонности всех партий, нужна, может быть, Виктору Эммануэлю, только что занесшему ногу на трон предполагаемого итальянского королевства; но за кого 8 000 000 избирательных голосов, за кого имя Наполеона, политическая мудрость и армия, которой подобной нет в мире, тот спокойно может обойтись без этой эфемерной популярности! Что же до народа, то когда же он не был с тем, кто указывает ему путь к славе? А кто же усомнится, что новые лавры ожидают наши войска, если только придется им вынуть мечи из ножен? Итальянцы знают нас как союзников, и они не захотят иметь нас врагами! Они сумеют почтить французское имя (*ils sauront respecter le nom français*) и волю того, кто избран великою нацией в повелители судеб ее! Если же нет... о, тогда... неужели думаете вы, горячие

приверженцы итальянской автономии, неужели думаете вы, что великий народ в 35 миллионов позволит оскорблять себя безнаказанно? Неужели вы полагаете, что он сам не побежит просить оружия против оскорбителей и что жены и дети не захотят отпраздновать триумф их мужей, братьев и отцов? О, если можно в чем-нибудь упрекать наш народ, то уж, конечно, не в недостатке военного энтузиазма! Он с радостью останется без пищи и без крова, если дух его будет оживлен сознанием национальной славы, приобретенной драгоценной кровью (*sang rèsieux*) сынов его!

И за какое дело будет проливаться теперь эта кровь! За дело порядка, за торжество законности, за герцогов, короля неаполитанского, прочность Австрии, за святейшего отца! Со стороны Франции это будет дело бескорыстное, святое, вызываемое единственно рыцарскими ее чувствами (*sentiments chevaleresques*). Никто не упрекает нас в честолюбии, а между тем за Францию освятится право наблюдения за порядком в Европе и охранения законных

361

правительств всех стран против мятежных подданных. Понятно, какой обширный горизонт (*quel vaste horisont*) открывается таким образом для политической мудрости нашего правительства!..

В видах блага человечества, желая оказать услугу моей прелестной родине (*à ma belle patrie*) и делу законного порядка в Европе, изложил я вам в беглом очерке мои идеи о роли, которую должна теперь принять Франция. Я оставил в стороне все военно-технические и

дипломатические подробности, потому что это письмо есть не что иное, как введение в большой мемуар, над которым я теперь работаю и который скоро сообщу публике. Я поспешил изложить мои общие идеи, потому что время не терпит, быстрый ход событий требует и быстроты решений. Надеюсь, что важность моих соображений будет понята всеми, и желаю, чтобы они нашли искренний отголосок как у вас в России, так и во всей Европе, особенно же в моем отечестве в сердце того, от кого зависит осуществить мои идеи. Да будет Франция, уже давшая миру столько великих и благородных толчков (*tant d'initiatives grandes et gènèreuses*), и на этот раз руководительницею святого дела законности и порядка. Да совершится! (*Ainsi soit-il!*).

Станислав де-Канард.

Париж 8/20 дек.